

Анна Михалевская

По разные стороны облаков

Сборник рассказов

Междверье

Чувствую порыв ветра, беспокойно оглядываюсь по сторонам. Кого еще принесло на заснеженный пляж? С моей-то головой давно не все в порядке — там постоянно обрываются чьи-то жизни, хлопают двери и гуляют сквозняки.

Море замерзло до волнореза — странное явление для южного города. Или я сам перетащил сюда питерскую зиму, чтобы хоть так быть ближе к Тине?

Пласты льда топорщатся, находят друг на друга, кое-где мелькают голубоватые полыньи. Я подхожу к линии берега, где смешанный со снегом песок превращается в ледяную корку, ступаю на непрочную опору.

Накидываю капюшон, но это не помогает — уши закладывает от ветра, что дует из чужой настежь распахнутой двери. Кто-то сейчас сильно расстроен и вот-вот сделает глупость. Черт, почему люди не понимают очевидного: конец старой

истории — это начало новой. Одна дверь закрылась, другая открылась. Это же так просто!

Я обхожу очередную полынью, поднимаю голову и вижу девушку. В легком пальто и намотанном до ушей шарфе она бредет в сторону волнореза. Расходятся трещины от шагов, в любую минуту лед под ней может провалиться.

Скрип петель — дверь дрожит от сквозняка, но пока остается открытой. Не теряя осторожности, я ускоряюсь — стараюсь не угодить в ледяную воду. Никогда не слышал, чтобы утопленники кого-то выручали из беды.

Догоняю девушку, замираю, выравнивая дыхание. Помню — насильно тащить к берегу нельзя. Надо, чтобы сама захотела уйти.

— Эй, — негромко зову, — у тебя крема от загара не найдется?

Она поворачивается, с ненавистью смотрит на меня. Девушке не больше двадцати, раскрашена, как невеста графа Дракулы — черные тени, стрелки тянутся к ушам, губы истошно красного цвета. Хотела умереть красивой!

Утопиться бы ей никто не дал, конечно, но что-то важное в жизни прошло бы мимо.

— Теперь точно сгорю, — скребу заросшую щеку. — А, может, полотенце есть? Решил поплавать, но, боюсь, обсыхать буду долго.

Говорю и сбрасываю капюшон, расстегиваю

куртку. Сквозняк утихает, значит, что все делаю правильно. В кармане жужжит мобильник — пришло сообщение. Уверен, это Тина! Холод отступает — моя Тина рядом, тысячи километров не в счет. Стаскиваю перчатки, свитер, берусь за ремень джинсов.

Девушка смотрит на меня округлившимися глазами.

— Господи, неужели и полотенца не взяла? Что ж ты на пляже-то делать собралась?

Оставшись в одних трусах, решительно направляюсь к полынье. Притворяюсь, что поскользываюсь, балансирую у кромки воды.

Девчонка срывается с места.

— Идиот! Дурак!

Отталкивает меня от полыньи, поднимает одежду, тычет в руки.

Уберечь от глупости может только одно — если кто-то на ваших глазах совершит еще большую глупость. Недавно вытаскивал московского режиссера из пропахшего перегаром творческого тупика. Пришлось самому инсценировать пару пьяных дебошей. Пить Кирилл перестал, когда всерьез испугался за меня. Или просто испугался? Неважно...

— Одевайся, несчастье... Простудишься, умрешь... Что потом твоей жене рассказывать?

— Нет у меня жены, — целюсь ногой в

штанину джинсов, попадаю с третьего раза.

— Без разницы, родокам, значит.

— И родоков нет, — подбираю куртку, протягиваю девушке свою шапку, — возьми, сережки в отможенных ушах не смотрятся.

Она нехотя натягивает шапку. Я разворачиваюсь, иду к берегу. Девушка плетется за мной.

Сквозняка больше нет — первый порог пройден. Пока опасность миновала. В такие моменты я чувствую, будто беру человека за руку, помогаю сделать шаг и закрыть за спиной дверь в прошлое. Впереди темные коридоры — это путь к новой двери. А я тот, кто умеет видеть в сумерках чужих жизней. Связывать конец и начало истории в одну нить.

— Зачем ты это сделал?

Игнорирую вопрос.

— Познакомимся? Я — Денис. А ты... Кристина, Диана, Снежана... — Пристально смотрю в светло-голубые глаза, опускаю взгляд ниже. — Все, я понял! Моника Беллу...

— Вера, — тихо отвечает девушка.

Обиделась. Ладно, сейчас успокоим.

— А давай, Вера, чего-нибудь выпьем в теплом тихом месте, и ты мне все расскажешь?

Девушка всхлипывает, трет глаза, немилосердно размазывая тушь.

Обнимаю ее за плечи, веду в сторону набережной к одинокому кафе.

— Знаешь, это даже хорошо, что ты Вера. Спорю на десерт, Люба с Надей нас уже разыскивают. Как же мне их не хватает сейчас...

* * *

Руки греет бокал глинтвейна, за окном затянутое в лед море обманчиво кажется укрощенным. Как и моя, скованная молчанием, любовь к Тине. Письмо было не от нее — обычный спам с предложением дешевых туров в Египет. Смешно получать такое человеку, который никогда не сунет нос за границу провинциального городка.

Вера долго не появляется, но девушка не сбежит — мобильник остался на столе. Я даже успел просмотреть последние вызовы — вдруг пригодится? Сквозняк в голове затих — знак, что она не наглоталась в туалете всякой дряни и не попыталась вскрыть вены маникюрными ножницами.

Что будет, если однажды я перестану ощущать сквозняк, если чувство подведет, и человек сорвется, потеряется в темных коридорах? Стараюсь об этом не думать. От нечего делать в сотый раз изучаю визитку Кирилла. Тогда все получилось и сейчас получится. За двадцать девять

лет я научился справляться со своим даром. Или проклятием?

Родители погибли в железнодорожной катастрофе, когда мне было шесть. Все время я проводил с дедом, известным в Севастополе художником-портретистом. Иногда он наотрез отказывал посетителям — говорил, те слишком долго простояли на пороге, и сквозняк сдул их истинное лицо. Над дедом посмеивались, а я знал, что он прав — ведь сам чувствовал сквозняки, видел пороги и открытые двери. Дед был отличным учителем, но портреты мне не давались. Зато росли пачки карандашных набросков мостов, дорог, улиц и поверх них — связанная узлом нить. Сперва я верил, что так верну родителей — соединю их оборванную жизнь со своей. Потом научился различать, откуда дует сквозняк, и бежать туда, где мог еще что-то исправить...

— Чего вытаращился, Нео?

— Это у меня взгляд такой. Привыкай.

Веру не узнать — смыв макияж, она стала казаться разумнее и симпатичнее.

А на Киану Ривза я действительно похож. Только само по себе это героем не делает.

Придвигаю к Вере блюдечко с тирамису, наливаю чай из заварника. Девушка даже не смотрит на десерт. Сидит, опустив голову, соскабливает с ногтей красный лак.

— Ты же не собираешься меня жалеть?

— Да это меня пожалеть надо! Искупаться ты не дала, крем для загара тоже!

— Давай так, — Вера упрямо поджимает губы, — откровенность за откровенность. Выкладываем грязные истории по очереди.

— Слушаюсь и повинуюсь!

Напускаю шутливый вид, но ощущения внутри бродят странные. Всю правду я никому не рассказываю, даже себе. Но если эта игра поможет довести девушку до новой двери, надо соглашаться.

Вера берет зубочистку, крутит в пальцах.

— Я загадала, что если сегодня ничего не случится, то либо уеду, либо... — она кивает в сторону замерзшего моря. — В общем, ты понял... Отец меня ненавидит и мать против настраивает. Вчера пригрозил из дома выставить, проституткой назвал. Я решила не ждать приглашения, сама ушла.

Долгое молчание. Всхлип. Зубочистка ломается.

— А ты проститутка?

Никто меня еще не одаривал таким уничтожающим взглядом. Ничего, пусть лучше злится, чем расстраивается.

— Нет! — кричит Вера так, что закладывает уши.

Немногочисленные посетители кафе смотрят

на нас, как на придурков.

— Да нет же! Я только хотела повесить в комнате календарь с обнаженными мужчинами. Отец не дал. Ударил меня. Ладно, повешу в другом месте...

Едва сдерживаю улыбку, кошусь на рюкзак у стула. Так и есть — из бокового кармана торчит скрученный в рулон календарь. Взяла с собой самое дорогое.

— Теперь ты!

Вера протягивает мне новую зубочистку. Неожиданно теряюсь и начинаю так же нервно, как и она, перебирать пальцами острый клинышек.

Девушка берет ложечку, отламывает кусочек десерта, отправляет в рот.

— Живу в квартире деда, он умер два года назад. Пишу картины, часто знакожусь с людьми, но друзей у меня нет. Никогда не мечтал о календаре с обнаженными мужчинами. Похоже, ни черта в них не понимаю.

— Это точно, — серьезно говорит Вера, — ты и в себе ни черта не понимаешь. Я душу открыла, а ты что? Извелся же от одиночества. Ни жены, ни родителей, даже дед умер.

Хочется крикнуть: «Я не один! У меня есть Тина!». Но слова застревают в горле. Иногда кажется, что лучше было влюбиться в инопланетянку.

— Твоя очередь! — вручаю зубочистку Вере.

Мрачный коридор междверья немного светлеет. С удивлением замечаю, что не столько я веду человека, сколько меня самого подталкивают к новой двери.

Девушка медленно ставит чашку на блюдце.

— Меня бросил парень. Это из-за него отец орал все время. Саня — фотограф, я позировала ему... ну, без ничего... Мы планировали жить вместе, приходилось подрабатывать, чтобы скопить свою долю на съемную квартиру. Но так и не съехались. Он сообщил, что встретил другую, и она как цветок. Как цветок! А я, выходит, поганка?!

Глаза Веры становятся влажными, она шмыгает носом и хватается за ложку, яростно расправляясь с остатками десерта.

— Я, конечно, не ботаник, но выглядишь ты лучше любого цветка. Во-первых, не завянешь через неделю. Во-вторых, у тебя есть длинные ноги и... — задержав взгляд на глубоком вырезе свитера, делаю большой глоток глинтвейна.

— Расслабься, у нее тоже есть грудь.

— Я хотел сказать, отзывчивое сердце!

— Откуда знаешь? — Вера насмешливо улыбается.

— Например, сегодня ты спасла моржа-самоубийцу.

— Думал, я купилась, да? Мне просто жаль

тебя стало. Это каким надо быть отмороженным, чтобы неизвестно за кем по льду бежать?

— При минус десяти любой отморозится.

— Так ты не снаружи, ты изнутри промерз...

Давай, рассказывай, дальше!

Не дожидаясь Вериной подачи, беру зубочистку сам.

Как же хочется соврать, спрятаться в крепости привычного молчания, закрыться. Но нельзя. В любую минуту Вера может вырваться, потеряться в темноте коридора и навсегда остаться маленькой обиженной девочкой. У меня нет права на ложь.

— Ее зовут Тина. Познакомились, когда обоим было тяжело, но смогли понять и поддержать друг друга. Никогда не виделись, и, скорее всего, не увидимся — она живет в Питере, а любое расстояние для меня непреодолимо. Я пробовал, покупал билеты. Но каждый раз терял сознание, а в таком виде — ни в поезд, ни в самолет...

Стоит оказаться в аэропорту или на вокзале, вижу оборванную нить родительской жизни, и двери — мои двери! — захлопываются перед носом. Кажется, мой путь здесь и закончится. Никто не почувствует сквозняк от моей двери, никто не возьмет за руку, чтобы провести к новой.

Вера молчит. Наверное, думает, что связалась с психом. В чем-то она, конечно, права. Но мне ничего не остается как продолжить.

— Я не говорил Тине о своей любви. У нас достаточно тем для разговоров, мы оба художники, — грустно улыбаюсь. — Понимаешь, весь полностью я ей вряд ли нужен. Пока я друг, но если признаюсь, потеряю и это...

Жужжит мобильник. Я лихорадочно шарю в карманах, забыв, что выложил телефон на стол. Вера хватается мой смарт, быстро проводит пальцами по экрану. Замирает, хмурится. Тут же прячет телефон за спину.

— Тебе нельзя это читать!

Я подрываюсь с места, перехватываю ее руку. Вера подчиняется, разжимает пальцы и быстро-быстро говорит:

— Она ничегошеньки в жизни не понимает, она дура! Могла бы сама приехать, могла бы помочь, могла...

— Замолчи!

«Денис, милый... догадывалась о твоих чувствах... прости... не нужно было заводить все так далеко... через месяц выхожу замуж...»

Строчки двоятся перед глазами, в ушах нарастает шум. Забываю о Вере, сквозняках и дверях. Хочется, чтобы рядом никого не было.

— Эй, Нео! — Вера тербит рукав моего свитера. — А, давай, я ей позвоню? И подробно расскажу, что она потеряла? Давай?

Смотрю на девушку невидящими глазами,

смахиваю со стола горку зубочисток — все мои признания. Наша игра в искренность кажется такой глупой. Имеет смысл лишь одна истина: от меня ушла Тина.

И вдруг снова чувствую сквозняк. Лицо Веры сереет, губы дрожат. Окружающие этого не заметят, но я-то знаю — плохой знак. Ее снова оттягивает назад, к вновь открывшейся двери в прошлое. Рука Веры вот-вот выскользнет из моей...

Делаю глубокий вдох, собираюсь с духом. Проклятая откровенность превратила меня в рохлю. Пока не закончил с Верой, о Тине нужно забыть. И вообще забыть.

— Одевайся! — командую, — пойдём искать твоего Саню.

* * *

Оказывается, мороз для фотосессии не помеха. В парке недалеко от набережной Саня самозабвенно снимает средневековых принцесс. Модели то и дело пудрят посиневшие носы, но шубы на открытые плечи накидывать не спешат.

Вера поднимается на цыпочки и шепчет, что вторым пунктом после утопления было сорвать Сане съемку. Мда, неудавшиеся утопленники — люди опасные!

— Александр, — громко говорю фотографу в

спину, стиснув Веру в объятиях.

Парень нехотя опускает фотоаппарат, оборачивается. Красив, стервец. Но надменное выражение лица убивает все обаяние.

— Верочка мне столько о вас рассказывала! — Широкая американская улыбка. — Вот захотел познакомиться! Кирилл! — Сую в руки визитку режиссера.

Саня изучает визитку и переводит недоуменный взгляд на девушку.

— Хочу дать ей роль в новом триллере. Название еще не придумал, будет что-то вроде «Фотографы исчезают поодиночке». Верочка очень талантлива. И красива! Цветы от зависти вянут!

Девушка играет свою роль с достоинством и апломбом, ни дать ни взять — восходящая кинозвезда. Только сейчас замечаю: а Вера действительно красива. Засматриваюсь на нее и будто издалека слышу вопрос Сани:

— Может, как-нибудь увидимся?

Вера поджимает губы и, не моргнув глазом, отвечает.

— Пока не могу. Роль надо учить, скоро съемки начнутся.

— Извините, спешим. Но если разрешите, немного полюбуемся вашей работой.

Саня кивает, долго смотрит на Веру, пока замороженные — или отмороженные? —

принцессы не начинают его раздраженно окрикивать.

Я веду девушку в обход места съемки, останавливаюсь чуть поодаль, но чтобы Саня нас видел. Подмигиваю Вере, прижимаю ее к сосне.

— Так надо, потерпи... — осторожно касаюсь губ девушки.

И ожидая встретить сопротивление, проваливаюсь в тепло. Мы долго целуемся. Я закрываю глаза и представляю, что держу в объятиях Тину...

Бродим по парку, держимся за руки. Глупость, конечно. Оба в перчатках, это не сделает нас ближе. Но мне так спокойнее. Сейчас ответственный момент — подходим к новой двери.

— Можешь мне кое-что пообещать?

Не смотрю на Веру, но знаю, что она внимательно слушает.

— Вернись сегодня домой. А календарь у меня повесишь. Будет повод приходить в гости.

Вера резко высвобождается, вырывается вперед, возвращается, подходит вплотную. Я невольно улыбаюсь. В ней роста метр с кепкой, а окажись в руках самурайский меч, точно не поздоровилось бы!

— Только в обмен на твое обещание! Первым же рейсом ты летишь в Питер!

— Нет, Вера, так не пойдет...

— Испугался? Для хлюпиков сделаю одолжение — затолкаю бесчувственное тело в самолет.

Черт, никогда еще дорога в междверье не было такой тяжелой.

— Ладно, по рукам! — Стараюсь, чтобы голос звучал бодро. — Проведу тебя домой...

Девушка отдает мне календарь с голыми мужиками, чмокает в щеку и направляется к подъезду. А я достаю мобильник, набираю подсмотренный на телефоне Веры номер, подписанный «старый козел». Сомнений, кто это может быть, нет никаких.

— Здравствуйте! — В ответ скомканное приветствие. — Я целый день общался с вашей дочерью — не потому что хотел переспать с красоткой, просто не мог позволить замечательной девушке испортить себе жизнь. Сегодня Вера едва не утопилась. Пожалуйста, не обижайте ее. Она вас любит и верит, что вы ее тоже. Да, и если что — с Александром покончено. Не в прямом смысле, конечно. Но к Вере он больше не подойдет.

Слушаю тяжелое дыхание и бесконечно долгое молчание.

— Спасибо...

Голос отца дрожит, и я знаю, что сейчас в его голове что-то меняется. Слышу мелодичную трель дверного звонка — успел до прихода Веры! —

нажимаю отбой.

Мы стоим на пороге, путь почти закончен. Остается лишь открыть новую дверь.

Я делаю последний звонок на сегодня — в аэропорт, бронирую билет. Вылет через три дня.

* * *

В зале аэропорта обычная суэта. Сажу на пластиковом стуле, нервничаю, жду Веру. Регистрация уже началась, у меня слишком мало времени.

А в голове вереницей мысли. Ведь я не сумею и шага ступить за стойку регистрации. Но если все-таки доберусь до Тины, изменит ли это что-то? Она хотела видеть во мне героя, а я псих, который бродит между невидимыми дверьми и боится сесть в самолет. Ведь Тина сейчас с тем, кого выбрала сама, и с кем, наверное, счастлива.

Но имею ли я право отступить? Нет! Пока Вера на пороге, я не принадлежу себе. Все было бы гораздо проще, если бы судьба девушки не зависела от моей личной жизни...

Вера врывается в зал ожидания, как на пожар, на ходу разматывает шарф, горят от мороза щеки. Подбежав, становится на цыпочки, целует.

— Чего хмуришься, Нео? Ты к своей женщине летишь!

Но у самой в глазах плещется беспокойство.

— Как дома?

— Родоки оттаяли. Не знаю, что приключилось. Отец прощения вчера просил...

Девушка говорит резковато, но видно, что еле сдерживает слезы. На миг все мои проблемы исчезают. Я счастлив. Это лучший момент скитаний в междверье — видеть, как отчаяние уходит из жизни людей.

Очереди на регистрацию уже нет. Дрожащими руками вынимаю из кармана билет, паспорт. На ватных ногах подхожу к стойке. Ставлю рюкзак на ленту. Сейчас все закончится, и я потеряю сознание. А порог до сих пор не пройден. Вера, Вера, что же с тобой будет?

Вежливое лицо парня на регистрации уже расплывается, в ушах шумит, еще немного и... Стискиваю зубы. Не дождетесь! Оглядываюсь, вижу насмешливую улыбку девушки. Мир снова приобретает четкость и ясность. Не верится, но я все еще в сознании и чувствую себя прекрасно! Прохожу в накопитель, последний раз смотрю на Веру. Она машет мне на прощание, разворачивается, уходит.

Теперь меня ничего не держит. Я смогу заглянуть в глаза Тине, взять за руку, сказать... Но ведь все слова уже сказаны — ею. И все тепло уже отдано — мной.

Смотрю Вере вслед и понимаю, почему новая дверь до сих пор не открыта. Это не ее, а моя дверь. Я думал, что помогаю девушке, но это она, сама того не зная, вела меня к порогу. И сделала все, чтобы я сумел связать конец с началом. Не для нее — для себя.

Я сметаю ограждение, наталкиваюсь на опаздывающих пассажиров. Ребята, мне в другую сторону!

Выбегаю из здания аэропорта.

— Нео, куда без меня собрался? Хотел календарь замотать, да?

Господи, как я рад слышать ее голос! Будто всю жизнь ждал этого дурацкого вопроса.

— Не угадала. Бегу за кремом от загара и полотенцем. Нам скоро в Египет лететь!

Обнимаю Веру, целую в нос. Невольно вспоминаю Тину, сжимаюсь, приготовившись к боли. Но ничего не чувствую. Этот порог остался позади.

Я не хочу возвращаться в междверье. Слишком много лет был его узником — мальчиком, который пытался вернуть родителей и боялся жить сам. Но теперь я справлюсь. У меня есть надежда. А еще — вера и любовь.

Левитация

Интересно, о чем думают йоги, когда висят в шпагате над пропастью, изо всех сил цепляясь мизинцами ног за выступы скал, чувствуя, как гордый и свободный ветер беззастенчиво обдувает их промежность?

Стараясь не смотреть вниз, известный в округе йог Василий Петрович распечатал третью пачку сигарет. Он сидел на крыше старой девятиэтажки, ноги болтались в воздухе — далеко внизу под изношенными тапочками неспешно текла будничная городская жизнь.

«А ведь йоги не должны бояться высоты!» — пришла ленивая мысль и повисла на дымном колечке, только что выпущенном на свободу.

Из окна верхнего этажа донесся сердитый оркестр кастрюль под дирижированием супруги Люси. Кастрюльным гаммам вторили песни о легкомысленной любви, что потоком лились из телевизора. «Эх, не хочет человек над собой работать, книги читать, развиваться...» — мысленно порицал жену Василий. Но дурманящий аромат жареной курицы отвлек от серьезных дум, и йог потешно причмокнул. «Ладно, пора и делом заняться!» — решил Василий Петрович.

Уверенной траекторией окурок приземлился в соседский горшок с цветами, а йог лихо завернул

правую ногу за голову. Левую ногу он за голову не заворачивал. Во-первых, из принципиальных соображений, а, во-вторых, потому что не мог. С правой ногой все вышло само собой. Во времена бурной юности он умудрился ее сильно вывихнуть, и с тех пор нога без особого напряжения вертелась в разные стороны. Ступать он, правда, на нее не мог, и вообще ходил с трудом. Вот и пришлось Василию Петровичу податься в йоги. Те, видимо, для таких случаев и придумали левитацию.

С левитацией дела шли не очень хорошо. Мешал страх высоты. Сначала Василий Петрович левитировал дома. В основном — с дивана на пол. Это было почти не больно и даже интересно. Следующий этап тренировки немного усложнялся. Теперь взлетной площадкой служил массивный комод — у его зеркала пудрила парики еще бабушка Василия. Занятия проходили удачно — левитация неминуемо заканчивалась приземлением, но секунды полета вниз было достаточно, чтобы Василий Петрович почувствовал гордость птенца-самоучки.

Радовался Василий недолго. Его настигла злая карма по бабушкиной линии, и однажды он плюхнулся на мирно спящего кота. Возмущенное такой несправедливостью животное сумело за себя постоять: место приземления Василия Петровича было беспощадно расцарапано, и все домашние

оповещены о безобразии громким кошачьим воплем.

Люся плакала и умоляла не делать так больше, а то, что же люди скажут... Дочь, понимающе улыбнувшись, посоветовала клуб, где можно недорого прыгнуть с парашютом.

С тех пор Василий Петрович отменил домашние тренировки и перебрался левитировать на крышу. Но на крыше его подкарауливали малодушные страхи. Больше всего теперь великий йог боялся снова упасть на кота. Это было еще хуже, чем упасть на соседку, лоток с мороженым... или даже собственную жену. «Ох, не должны йоги бояться, не должны...» — корил он себя.

Ну что ж, придется подружиться с Дымком.

— Дымок, Дымок, иди ко мне... — запел мантру Василий.

Но Дымок почему-то не спешил.

— Дымок, кс-кс-кс!

Пострадавший кот осторожно выглянул из-за трубы. Он кое-что соображал в этой жизни, и терпеть бедствия дважды от одного и того же сумасшедшего йога не входило в его кошачьи планы. Но... А вдруг ему улыбнется удача и одарит колбасными ожерельями счастья? Неужели он упустит такой вкусный шанс? Кот заурчал от предвкушения роскошной жизни и короткими перебежками устремился навстречу капризной

судьбе.

Василий торжествовал победу — он покровительственно обнял кота и разрешил ему потереться об одну не занятую в асане ногу.

Из птенца-самоучки вырос профессионал и он готовился совершить решающий прыжок. Что терять на этой брэнной земле? Все наставления великих он выполнил. Тело, по крайней мере, одна нога, заворачивалось куда угодно. Дымка он приручил. От привязанностей к жене избавился еще лет пятнадцать назад. На всякий случай Василий захватил с собой пачку любимых сигарет.

— Ну что, посидели на дорожку, и в путь? — прерывающимся от восторга голосом спросил у кота йог.

Кот мяукнул и облизнулся.

Василий Петрович улыбнулся и легко спрыгнул с крыши, сжимая в руках орущего от осознания второго провала Дымка.

Люся уже несла блюдо с курицей в столовую, когда ее внимание привлекли странные звуки. Она подбежала к окну, и курица шмякнулась к ногам. Трудно было одновременно держать блюдо, думать, что скажут люди, и наблюдать как муж в охапку с котом планирует между домами, поднимаясь все выше и выше.

По разные стороны облаков

Морозный ветер бросался на меня, будто стремился что-то отобрать. Но отбирать у меня нечего. Лохмотья с чужого плеча да плесневелая корка хлеба — небольшая нажива. Случайный взгляд прохожего поспешил дальше, прочь от моей корявой усмешки и дырявых ботинок. Испугался, что сам станет таким же? Сердился на беспечного попрошайку? Я сижу на улице в снег и дождь, именно тогда люди становятся настоящими — они слишком спешат укрыться от непогоды, чтобы думать о своих лицах. Я смотрю на них. И жду своего часа.

Нищему бродяге легко быть свободным. Этим и пользуюсь. Я никому не интересен, я делаю, что захочу. А ведь мог бы прийти сюда разряженным денди, профессором семи пядей во лбу, просто обаятельным мальчишкой — да кем угодно. Но я выбрал другое обличье. Так проще будет сделать, что должен. Я не имею права вторгаться в ее жизнь. Но могу быть рядом.

Снег метет на ступеньки, на мои руки в дырявых перчатках, на старую шапку, на разбитый нос; он стремится спрятать все, что ему не нравится, и эта затея почти удастся. Цыганка рядом недовольно морщится и лопочет что-то своему ребенку; хлопают двери, выходят люди, пахнет воском, огнем и ладаном. Я вдыхаю этот воздух и

становлюсь сыт им. Там, откуда я пришел, пахнет похоже.

Стук каблучков по ступенькам. Непокойный и опасный стук — слишком быстрый для таких мерзлых ступенек. Сердце колотится с бешеной силой. Да что это я, какое сердце?!

Конечно же, она меня не видит, а вот я ее вижу насквозь. Мне очень жаль, но она сейчас упадет и ей будет больно. Я отворачиваюсь и поднимаю глаза, когда уже слышу сочувственные вздохи цыганок. Они протягивают руки, чтобы помочь ей встать, и я тоже протягиваю свою в рваной перчатке.

Девушка раздосадована, но сдаваться не собирается — она недовольно морщит нос, пытается встать, но без помощи не обойтись, и среди протянутых к ней грязных дрожащих рук она выбирает мою.

Я чувствую, как губы растягиваются в глупой улыбке — вот ведь как мало нужно здесь для счастья! Ее ладошка жжет руку через перчатку, я не хочу ее отпустить.

Наконец девушке удается подняться на ноги, и, даже не взглянув на нас, она направляется к двери. Девушка не хромает — о нет, она бы себе никогда не позволила такого, хотя уж я-то знаю, как больно ей сейчас. Невольно цокаю языком — а она с характером!

Для меня не секрет, о чем она шепчет, в одиночестве стоя там, где пахнет воском и ладаном. Ради этого здесь и сижу.

Стоило ей опереться на мою руку, и между нами установилась особенная связь. Так и должно быть. Но я оказался не готов к этому. Впервые за все время мне стало неуютно в личине нищего. Я захотел ей понравиться. Захотел, чтобы она увидела мое настоящее лицо. Но так нельзя!

Пальцы сами собой сжались в кулак, я с силой ударил по льду мерзлой ступени. Цыганки встрепенулись, удивленно затараторили. Оскалившись, я протянул руку за милостыней. Пора вспомнить свою роль.

* * *

Ада потянулась, отложила пузатый конспект, вышла на балкон.

На розовом кусте внизу набухли бутоны. День, другой — куст взорвется алыми звездочками цветов. Ветер лениво катал шары тополиного пуха. Задрав хвосты, по крышам гордо прохаживались коты с бандитскими мордами. В воздухе пахло летом, теплом, свободой.

Ада вздохнула, скорее бы сдать экзамены. Первый курс — сессию завалить нельзя, мама не простит. Ходит за ней цербером, лучше бы мужа

нового поиска. Вон уже сколько лет, как папаша смылся из их жизни, а родительница до сих пор не выбралась из своей скорлупы. И Аду тащит туда же.

Ада задернула занавеску, взяла в руки конспект, но так и не открыла тетрадь.

Мысли сразу метнулись к Денни, в день их встречи. Ада гуляла по мерзлому пирсу — море всегда умело выслушать, понять, не то что мама. Рядом с морем одиночество уходило, разжимало на время свои холодные лапы. На последней ступеньке пирса курил незнакомец. У его ног сталкивались гребнями белые глыбы, и ветер разносил пепел.

Он показался Аде немислимо одиноким. Таким же, как она. Девушка почуяла в незнакомце родственную душу. Она пошла к нему прямо по корке льда, тронула за рукав. Мужчина оглянулся, темная прядь волос упала на лоб, и Ада попала в ловушку черных — черней не бывает — глаз.

Его звали Денни. Она не хотела влюбляться. Она лишь пыталась разделить его одиночество. Но вышло по-другому. Чужой человек вдруг заговорил с ней, как старый друг. Он держал Аду за плечи, рассказывал невероятные истории, и Ада беспомощно проваливалась в его глаза. Откуда он знал ее мысли? Почему не сделал ни одной ошибки?

— Помнишь, мы плыли с Колумбом и нас

венчали в море? Помнишь ту жизнь? — серьезно спрашивал Денни, и Аду бросало в жар.

Стены ее привычного мирка раздвигались. Рядом с Денни она могла быть любой — хоть королевой, хоть нищенкой. Ее новый друг умел творить чудеса. Вот только... Денни выросал на дороге без предупреждения и уходил, не попрощавшись. Ада расстраивалась, в сердцах клялась порвать с ним, и тут же начинала ждать следующей встречи.

А потом Денни исчез. Ада забросила учебу, поссорилась с подругами, каждый день неизменно заканчивался домашним скандалом. Она злилась на себя, злилась на Денни. Это несправедливо! Неправильно! Как он мог так поступить! И как она могла ему поверить!

По ночам к ней зачастил один и тот же кошмар. Огромные птицы, черная и белая, бились на смерть у нее на глазах. Она металась между ними, рискуя попасть под удар крепких крыльев, не понимая, на чьей стороне правда, кого спасти. Ада просыпалась среди ночи и долго приходила в себя. Она не знала, что делать — опасность не имела лица. Или она боялась увидеть это лицо?

Раньше Ада не задумывалась о Боге, но после очередной бессонной ночи ей очень захотелось верить, что он услышит ее. Больше говорить было не с кем... Бог оказался не просто глух, но и

мстителен. Тогда на церковных ступеньках она здорово ушиблась. Ада вздрогнула. Она вспомнила, как заохали нищие и потянули к ней грязные руки. До чего неприятно...

Солнечный день за окном, а она будто арестованная! Ада резко встала, конспект полетел на пол. Она набросила плащ, сунула в карман мелочь и прошмыгнула в коридор.

— Ты куда? — мама вылетела из кухни, на ходу вытирая испачканные в муке руки о передник. — Хочешь из института вылететь? А ну вернись!

Ада закатила глаза к небу. Совсем жизни нет с этим цербером!

— И не подумаю! — она демонстративно хлопнула дверью.

* * *

Она шла по знакомым улицам — будто видела их первый раз. Стаи ворон в дубовых кронах отменили галдеж и негромко о чем-то перекаркивались. Сторожа дворов — каменные львы — так и норовили сойти с постаментов и по-кошачьи поваляться в парковой траве.

Может, всему виной было ее собственное настроение? Она чувствовала, Денни скоро появится. И у них снова будет свидание. Все внутри

затрепетало. Денни...

Ноги сами привели Аду к морю. Она спустилась на пляж — а вот и пирс, тут они познакомились. Девушка выбралась на влажные плиты. Перебегая друг другу дорогу, волны захлестывали пирс, оставляя в выщербинах камня маленькие лужицы. Ада подняла голову, солнце ударило в глаза, и она невольно зажмурилась. Когда блики перестали мешать, она увидела Денни. Верный себе, тот сидел на самом краю пирса, а рядом... Рядом улыбалась и краснела какая-то девушка. Денни обнимал незнакомку за талию и смотрел на нее так, как когда-то смотрел на Аду.

Нет, этому есть объяснение! Денни не может ее предать! Это неправда!

Ада ушла, не оглядываясь. Она не будет сейчас думать об этом. Не будет. Но слезы катились сами, они не спрашивали ее разрешения.

Будто одурманенная, она спустилась с пирса. На пляже грелся какой-то оборванец, бродяга поднял глаза, в упор посмотрел на нее. Ада вздрогнула. Странный взгляд. Ей вдруг показалось, что она узнала и тут же забыла что-то важное. «Вот у кого нет никаких проблем» — с досадой подумала Ада.

* * *